

ИСТОРИЯ

УДК 94(36)
DOI 10.52452/19931778_2021_4_9

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНКСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ПРАВОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

© 2021 г.

В.А. Блонин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

blonin@fsn.unn.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021

Представлены результаты сравнительного анализа правового регулирования семейных отношений по нормативным памятникам франкского государства и Древней Руси. Определены основные принципы и подходы такого анализа. На основе проведенного сопоставления памятников светского и церковного права (Салическая и Русская правды, каролингские капитулярии и церковные уставы древнерусских князей, нормативные документы исповедальной практики и др.) выявлены общие черты и специфика в подходах государства и церкви к регулированию браков, разводов, внутрисемейных отношений на примере двух государств и обществ раннего Средневековья. Показана роль традиций такого регулирования, опирающихся на обычное право, а также отмечено укрепление позиций церкви в воздействии на семейные отношения в целях формирования новой христианской семейной этики (при определенных различиях в канонических подходах западно- и восточнохристианской церкви). Полученный опыт сравнительного анализа позволяет определить перспективы его применения путем расширения хронологических и региональных рамок, а также привлечения новых исторических источников.

Ключевые слова: семейно-родственные отношения, правовые памятники, сравнительный анализ, франкское государство, Древняя Русь.

Постановка проблемы

Историко-антропологическое изучение семьи как социального института в его историческом развитии носит комплексный характер и предполагает рассмотрение разнообразных аспектов, включая демографические, социальные, экономические, психологические и др. Одним из важнейших аспектов является исследование того, как регулировались семейные, брачные, родственные отношения со стороны общества и государства на разных этапах исторического развития, а также то, какое воздействие оказывали государство и социальные институты (включая Церковь) на реальное функционирование семьи, на практические модели семейного поведения.

Особый интерес при изучении европейского Средневековья представляет становление подходов, форм, способов нормативного регулирования семейно-родственных отношений на этапе формирования государственных институтов, правовой системы, тем более что в молодых христианских государствах в такое регулирова-

ние активно вовлекалась церковь со своими особыми подходами к нему.

Дополнительные познавательные возможности в этом тематическом поле может дать использование сравнительного анализа, а один из возможных вариантов применения такого анализа – сопоставление общего и особенного в регулировании семейных отношений в разных раннехристианских обществах на примере франкского и древнерусского государств¹.

Выбор для сравнительного анализа таких раннесредневековых государств, как франкское и древнерусское, обусловлен рядом важных обстоятельств:

– во-первых, несмотря на разное время их исторического развития (VIII–IX вв. у франков и XI–XIII вв. в Древней Руси), наличие очевидное стадильное сходство (и там, и там эти временные отрезки – период становления государственных и церковных институтов, а также их правовых систем);

– во-вторых, можно отметить наличие оригинальных, но сопоставимых памятников – как светских и светско-церковных (Салическая

правда и капитулярии у франков / Русская правда и церковные княжеские уставы в Древней Руси), так и нормативных документов церковной исповедальной практики (франкские покаянные книги и наиболее известный древнерусский памятник такой практики *Вопрошание Кирика*);

– в-третьих, важными для сравнительного анализа являются очевидные (при отмеченном сходстве) особенности в формировании нормативного регулирования семейных отношений, включая разные церковные традиции: западно-христианские – у франков и византийские – в Древней Руси.

Проводимый сравнительный анализ франкских и древнерусских нормативных памятников опирался на следующие основные принципы и подходы:

1) выявление общего и особенного в формировании светских и канонических норм:

– в динамике от норм обычного права у франков к светскому законодательству (*Салическая правда* и капитулярии франкских королей); от постановлений церковных соборов и формирования канонического права к нормативным памятникам церковной практики (покаянные книги);

– в развитии светского и светско-церковного законодательства (*Русская правда*, церковные уставы князя Владимира и Ярослава) к формированию канонического права (от византийских памятников церковного права к древнерусским: *Вопрошание Кирика*, кормчие книги и др.);

2) определение особенностей формирования брачно-семейных правовых норм (светских и церковных) во франкском государстве и Древней Руси;

3) выделение общих аспектов правового регулирования семейно-родственных отношений в сопоставляемых обществах (заключение брака, разводы, повторные браки, отношения между супругами, родственниками, родителями и детьми и др.);

4) выявление общего и особенного в правовом регулировании брачно-семейных и семейно-родственных отношений во франкском и древнерусском обществах;

5) определение перспектив применения сравнительного анализа семейно-родственных отношений, исходя из полученных результатов, выявленных возможностей и проблем в применении сравнительного метода на франкских и древнерусских материалах.

Характеристика основных источников

Франкские источники: Салическая правда (основные редакции), капитулярии франкских

королей, постановления церковных соборов, каролингские покаянные книги.

Древнерусские источники: Русская правда (пространная редакция), церковные уставы князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича, «Вопрошание Кирика» с привлечением других церковных памятников права.

Салическая правда и Русская правда

К общеизвестным характеристикам этих памятников [2, с. 3–12; 3, с. 27–46] добавим, что семейные нормы в *Правдах* представлены по-разному: если в Салической правде регулируются различные аспекты брачно-семейных отношений (от заключения браков до внутрисемейных отношений), то в Русской правде такие нормы практически отсутствуют за исключением в основном вопросов наследования в *Пространной* ее редакции. Такое явное отличие от Салической правды связано прежде всего с тем, что оформление Русской правды шло параллельно с принятием церковного «Устава князя Ярослава» (см. далее), в котором проводилось достаточно четкое разграничение светской и церковной юрисдикции [4, с. 97–98, 107–109].

Церковные княжеские уставы

Специфику древнерусского права отражают церковные уставы князей Владимира и Ярослава, представляющие своеобразное соединение светского и церковного права.

«Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных» – скорее, вспомогательный источник для проводимого сравнения, поскольку им по сути только вводиться церковное судопроизводство, в ведение которого передавались все дела, связанные с семейно-брачными отношениями, колдовством и т.п., и в этом находит отражение следование византийской традиции с опорой на номоканоны (византийские сборники церковных правил и императорских указов, касающихся Церкви, составленные в VI–VII вв.) [5]².

Существенно важнее для проведения сравнительного анализа «Устав князя Ярослава о церковных судах». Если в более раннем «Уставе князя Владимира» лишь намечены предметы церковного регулирования, то в «Уставе князя Ярослава» (далее – Устав) перечень церковных судов представлен в развернутом виде с указанием санкций за нарушения норм церковного права. Устав значительно отличается от византийских церковно-правовых образцов – номоканонов, в т. ч.: передачей широкого круга вопросов, непосредственно отнесенных к церковной юрисдикции; включением новых преступлений и нарушений, не известных византийскому праву; а также тем, что принятые в Византии суровые телесные наказания и смертная казнь

заменялись, как правило, обычными (судя по Русской правде) имущественными санкциями (вира) [6]³.

Каролингские покаянные книги и древнерусское «Вопрошание Кирика»

Важными для проводимого сравнения являются нормативные церковные памятники исповедальной практики. Франкские материалы представлены покаянными книгами (пенитенциалиями) каролингской эпохи (VIII–IX вв.): Парижский пенитенциалий (Poenitentiale Parisiense, середина VIII в.), Мерзбургский пенитенциалий (Poenitentiale Merseburgense, конец VIII в.), Пенитенциалий Флери (Poenitentiale Floriacense, конец VIII в.), Сангалленский пенитенциалий (Poenitentiale Sangallense, около 800 г.), пенитенциалий Халитгара (Poenitentiale Romanum, около 830 г.), Пенитенциалий Хуберта (Poenitentiale Hubertense, середина IX в.) [7]. Все это весьма распространенные в раннем Средневековье «пособия» для исповедников, в которых фиксировались разного рода грехи и определялась мера церковного наказания за них⁴.

Из древнерусских источников для сопоставления взято такое известное церковное сочинение, как «Вопрошание Кирика», обращенное к Нифонту, епископу Новгородскому (1136–1156 гг.) и «иным», как сказано в его заглавии, – второй памятник местного, древнерусского канонического права, включенный в Русскую редакцию кормчей [11, с. 85–86]. В древнерусской литературе, как и в византийской, и в литературе европейского Средневековья вообще были распространены такого рода беседы с вопросами относительно тех или иных сторон практической деятельности священника и ответами-разъяснениями авторитетного лица. Исследователями отмечено, что Кирик был незаурядным человеком своего времени, «доместиком» (регентом хора) в Антониевом монастыре, а «Вопрошание» оценивается «как высокопрофессиональный богословский труд и одновременно как своеобразная энциклопедия тогдашней жизни»⁵.

Для непосредственного анализа правовых источников и сопоставления подходов к регулированию брачно-семейных отношений важно прежде всего оценить общее и особенное в формировании брачно-семейных правовых норм (светских и церковных) во франкском государстве и Древней Руси.

В целом для франкского государства можно выделить:

1) всестороннее регулирование семейных отношений в светских правовых памятниках, идущее от обычного права к Салической правде (в начальной редакции) и продолжающееся в

последующих ее редакциях, а также капитуляриях франкских королей;

2) отсутствие явного влияния церковных норм в Салической правде (и не только в самой ранней редакции); более заметное воздействие церковного права на регулирование семейно-брачных отношений в каролингских капитуляриях;

3) параллельное формирование канонических норм (постановления церковных соборов и нормативное регулирование в церковной исповедальной практике посредством создания сборников для исповедников – покаянных книг);

4) процесс активизации в регулировании семейных отношений и сближения позиций государства и церкви по всем основным аспектам при сохранении явных отклонений в социальной практике от этих норм (наиболее ярко отраженных в покаянных книгах).

В древнерусском государстве отмечается следующее.

1. Параллельное формирование светских и светско-церковных правовых памятников – Русской правды и церковных уставов князей Владимира и Ярослава.

2. Складывание достаточно четкого разграничения светской и церковной юрисдикции в вопросах регулирования семейных отношений: явное отсутствие семейных норм (за исключением вопросов наследования) в Русской правде и преобладание этих норм в княжеских церковных уставах. Как и в Салической правде, в светском законодательстве (Русская правда) не прослеживается влияние церковных норм. В свою очередь, княжеские церковные уставы демонстрируют своеобразный симбиоз светского и церковного подходов к регулированию брачно-семейных отношений: княжеская власть определяет сферы юрисдикции церковного суда, а в Уставе князя Ярослава воплощаются принципы и судебные решения, аналогичные судебнику, каковым являлась Русская Правда (описание проступков и определение наказаний за них, преимущественно в виде денежных штрафов), с добавлением церковной специфики (суд митрополита, штрафы в пользу митрополита, а также дополнительная епитимья). Показательны и ограничения юрисдикции митрополичьего суда в случаях, когда знаковые проступки допускают мужчины: в таких статьях церковного Устава князя Ярослава четко оговаривается, что виновные подлежат суду князя (хотя штраф уплачивается митрополиту).

3. Процесс формирования канонических норм в Древней Руси: от византийского канонического права (правил Отцов Церкви, Номоканона и др.) – через южно-славянское посредни-

чество – с появлением на Руси кормчих книг в XIII в., интегрировавших византийские традиции, древнерусскую церковную практику (Вопрощание Кирика и ответы новгородского епископа Нифонта, правила митрополита Кирилла и др.), светские и светско-церковные правовые памятники (Русскую правду и княжеские церковные уставы).

4. В памятниках канонического права и церковной практики находит отражение адаптация византийской традиции под каноническую практику древнерусской церкви (сочетание ссылок на отцов церкви, Номоканон и другие византийские нормы с относительно свободной их трактовкой в древнерусской светской и церковной судебно-нормативной практике).

Таким образом, сравнивая подходы к регулированию брачно-семейных отношений во франкском и древнерусском государствах, можно выделить следующее.

Основные правовые памятники (Салическая и Русская правды) схожи своим светским характером, идущим от обычного права, и отсутствием очевидного воздействия христианской церкви и церковных норм на их содержание.

Вместе с тем, если для Салической правды было характерно разностороннее регулирование семейных отношений (следует отметить, что формирование памятника происходило тогда, когда каноническое право в данной сфере находилось еще на первом этапе своего становления), то создание Русской правды (в начальной редакции) происходило параллельно с принятием церковных княжеских уставов (прежде всего отметим роль князя Ярослава Владимировича в создании этих правовых памятников), что привело к достаточно четкому разграничению светской и церковной юрисдикции по вопросам семьи, брака, межродственных отношений.

Во франкском государстве сближение позиций светской власти и церкви происходит ближе к концу раннего Средневековья (судя по каролингским капитуляриям и постановлениям соборов римской церкви), тогда как в Древней Руси шел процесс адаптации византийских канонических норм с первоначальным приоритетом княжеской власти в этом процессе, но с последующим укреплением канонического права, наиболее ярко отраженном в таких правовых сборниках, как Кормчие книги, которые интегрировали византийские каноны, церковную практику и светское право (важно отметить, что списки Русской правды в большинстве своем дошли до нас именно в составе кормчих книг).

Отражением сходства правового регулирования семейно-родственных отношений в обоих государствах стала большая роль церковной (в

том числе исповедальной) практики в формировании подходов церкви к воздействию в этой сфере человеческих взаимоотношений (франкские покаянные книги и древнерусские памятники, прежде всего ответы новгородского епископа Нифонта).

Общее и особенное в регулировании семейных отношений

Для проведения сравнительного анализа правовых памятников выделим основные аспекты регулируемых в них брачно-семейных и семейно-родственных отношений, а именно:

- условия заключения брака;
- регулирование разводов и повторных браков;
- внутрисемейные отношения (между супругами, родителями и детьми).

Правовое регулирование браков

Во франкском государстве в VIII–IX вв. регулирование браков сопровождалось борьбой против умыканий и брачных союзов между близкими родственниками, причем усилиями как церкви, так и государства. Еще собор 451 г. в Халкиде наказывал за умыкание отлучением от церкви, а в IX в. (в частности, на соборах 844 и 845 гг.) не только подтверждаются эти решения, но оказывается воздействие на светские власти в целях усиления санкций против умыканий [14, р. 87–88]. Все это отражает начало нового этапа в подходе церкви к семье и браку, относящееся к каролингскому периоду, поскольку ранее (в силу общей негативной оценки брака) церковь не оказывала особого влияния на эту сферу человеческих отношений. Обращаясь к истории вопроса, можно отметить, что в светском праве (еще с Салической правды) предусматривались крупные денежные штрафы за умыкание (при этом различалось похищение девушек, свободных женщин, чужих невест, чужих жен)⁶, также недействительными признавались браки с племянниками, двоюродной сестрой, женой брата – эти браки следовало расторгнуть, а дети от них считались незаконными и не могли участвовать в наследовании имущества⁷. В VIII–IX вв. церковь все активнее выступала против браков родственников (см. решения соборов в Риме 721 и 853 гг.) [14, р. 82–84]. По декретам Пипина Короткого 757 и 758 гг. запрещались браки до 4-го поколения родства, причем в число родственников включались и лица, находившиеся в духовном родстве (через крещение и конфирмацию), – подобные браки карались конфискацией имущества, а при отсутствии последнего – тюремным заключением до уплаты родственниками штрафа в 60 солидов [13, S. 37]⁸. Актуальность этого

вопроса подтверждается и капитулярием Карла Великого от 802 г., где требование публичности брака связано главным образом со стремлением не допустить инцеста⁹.

Что касается регулирования исповедальной практики, то франкские покаянные книги, начиная с Бургундского пенитенциалия (первая половина VIII в.), в целом единодушны в осуждении умыканий: за похищение вдов и девушек полагалось наказание тремя годами покаяния на хлебе и воде [7, S. 322]¹⁰. Такое постоянство в упоминании данного проступка (причем в близкой формулировке и при одинаковом наказании) могло отражать не только наличие соответствующего трафарета, но и длительное сохранение подобного явления в жизни франкского общества. Противоположное кровосмесительным бракам также занимает значительное место, но только в более поздних покаянных книгах: во Флёррийском пенитенциалии (последняя четверть VIII в.) упоминается лишь прелюбодеяние с кровным родственником, но не брак с ним [7; S. 342]¹¹ и только в покаянных книгах I половины IX в. упоминаются и подлежат наказанию и кровосмесительные браки. Греховными считались (как и в светском законодательстве) браки между родственниками до четвертой степени родства, а в наиболее позднем из каролингских пенитенциалиев – Хуберта – запрет налагается и на браки с духовными родственниками: крестной дочерью или сестрой [7, S. 338]¹². Отметим также, что общим для этих покаянных книг является требование предварительного (до наложения епитимьи) расторжения греховного сожителства. Однако конкретное содержание соответствующих канонов (определение круга родственников и меры наказания за инцест) в каждом из пенитенциалиев существенно различается¹³. Следовательно, усиление борьбы против браков родственников, нашедшее отражение и в покаянных книгах, относится лишь к концу VIII – I-й половине IX в., но единый подход к решению данного вопроса, судя по этим документам, еще долгое время отсутствовал.

Как же регулировалась эта сфера семейных отношений в древнерусских правовых памятниках? Уже вторая статья церковного устава князя Ярослава (а по сути, первая содержательная, поскольку статья первая представляет собой преамбулу к документу) предусматривает наказание за умыкание: она устанавливала дифференцированную ответственность за умыкание девушки или насилие над ней, зависящую от социального положения потерпевшей. Возмещение потерпевшим, принадлежащим к разным сословным группам, и штрафы в пользу церковной власти указаны в гривнах золота (от 5 до

1) – т.е. в очень больших ценностях (1 гривна золота равнялась 10 или 12 гривнам серебра) [6, с. 189]¹⁴. В древнерусском церковном уставе в отличие от франкского права появляется статья, определяющая роль родителей при вступлении их дочери в брак: статья 7 содержит уникальную для памятников древнерусского права архаическую норму об ответственности родителей за невыдачу замуж дочери, которая отражала переход в церковное право древнего обычая восточнославянского общества, согласно которому старшие члены семьи несли ответственность за обеспечение младших после своей смерти; а статья 29 устанавливала как норму выдачу родителями дочери замуж силой и вменяла им это в обязанность и в случае дочернего несогласия (однако с родителей не снималась и ответственность в случае самоубийства дочери в результате такого принуждения) [6, с. 191]¹⁵. В определенной мере эти подходы перекликаются с нормой из Пространной редакции Русской правды, где в статье 95 о наследовании имущества отца говорится о том, что братьям следует отдать сестру замуж (хотя претендовать на наследство она не может) [3, с. 71]¹⁶.

Наказание за кровосмесительные браки нашло отражение в ст. 16: союз между близкими родственниками наказывался высшей ставкой штрафа, равной вине (40 гривен); виновные должны были также нести епитимью, брак между близкими родственниками объявлялся недействительным [6, с. 190]¹⁷. Родство между желающими вступить в брак исчислялось коленами – количеством родственников в генеалогической линии от жениха вверх, к общему предку, и далее вниз, к невесте. До конца X в. брак был разрешен только между 7-м и 8-м коленами, т.е. между четвероюродными братом и сестрой (см. комм. к тексту Устава [6, с. 198]).

По ст. 17 двоеженство наказывалось полувином (20 гривен) в пользу митрополита, брак со второй женой расторгался, и она передавалась под опеку Церкви («в дом церковный»), а первый брак подтверждался властью. За плохое обращение со своей первой, законной, женой виновный также мог быть подвергнут наказанию со стороны князя [6, с. 190, 198]¹⁸. Кроме того, запрещалось двум братьям иметь одну жену (ст. 27), за что полагался штраф в 30 гривен, а жена отдавалась под опеку Церкви [6, с. 191]¹⁹.

Помимо браков в Уставе подлежали осуждению и кровосмесительные связи, причем наказанию подвергались и кровные родственники, и свойственники. В этой связи можно отметить следующее:

– во-первых, достаточно детальное перечисление круга родственников, включая брата с сестрой (ст. 15), отца с дочерью (ст. 28), свекра со снохой (ст. 22); а также свойственников, в т.ч. отчима с падчерицей (ст. 24), деверя с ятровью (ст. 25), пасынка с мачехой (ст. 26), а также с двумя сестрами от одной матери (ст. 23);

– во-вторых, иерархию наказаний: за связь между близкими родственниками в первых трех случаях (ст. 15, 22, 28) следовал максимальный штраф в 40 гривен митрополиту плюс епитимья, тогда как в остальных случаях – 12 гривен штрафа в пользу церкви плюс епитимья [6, с. 191]²⁰.

В ст. 13 наказание полагалось и за связь между крестным отцом и крестной матерью одного ребенка в размере, аналогичном штрафу за связь между свойственниками: кроме штрафа в пользу церковной власти на виновных налагалась епитимья [6, с. 190]²¹.

Что вносят в регулирование браков документы древнерусской исповедальной практики? В «Вопрошании Кирика» затрагивается лишь один аспект нарушения брачных норм – многоженство. В п. 69 на вопрос о том, как расценить практику обзаведения наложницами (причем явно) и детьми от них или тайного союза с рабынями, следует ответ епископа: не добро ни то, ни другое (но ничего не говорится про санкции) [11, с. 420]²². Тем самым Кирик обнажает нравы того времени, осуждая рецидивы многоженства. Церковь стояла на страже здоровых моногамных семейных отношений. Речь идет явно о богатых прихожанах, которые имели средства для содержания наложниц помимо семьи. Заповедь «не прелюбодействуй» здесь нарушалась. Можно сопоставить отношение к такой практике со статьей 98 из Пространной редакции Русской правды о наследстве в отношении детей от рабыни: при отсутствии прав на наследование они получали свободу вместе с матерью [3, с. 71]²³. И столь же характерно, что никаких норм, наказывающих за такую практику, в церковном уставе Ярослава нет.

Таким образом, налицо определенное сходство в регулировании браков по франкским и древнерусским правовым памятникам, в т.ч.:

– в определении главных нарушений в данной сфере, а именно случаев умыканий и насилия в отношении женщин и девушек, а также браков и связей («прелюбодеяние» в латинских текстах и «блуд» в древнерусских памятниках) между родственниками (включая отношения свойства и духовного родства);

– в характере наказаний за такие нарушения: крупные денежные штрафы за умыкание, а в случаях «кровосмешения» – штрафные санкции в сочетании с расторжением греховных союзов.

К особенностям древнерусских норм, определяющих отношение государства и церкви к брачным связям, можно отнести:

– жесткое отношение к двоеженству (как в церковном Уставе, так и в «Вопрошании Кирика»), что, вероятно, свидетельствует о реально бытовавшем явлении;

– определение роли родителей при вступлении в брак их дочерей (норма, перешедшая из предшествующих традиций и обычного права);

– детально прописанный круг родственников (кровных и духовных) и свойственников, чьи отношения признавались греховными (акцент при этом делался не на брачных связях, что как бы само собой подразумевалось, а на блуде/прелюбодеянии между близкими родственниками).

Правовые нормы о разводах и повторных браках

Регулирование разводов в каролингском государстве со стороны власти складывалось постепенно и не совсем последовательно: если капитулярием Пипина Короткого 744 г. запрещались разводы кроме случаев измены жены, то по декретам 757 и 758 гг. допускались и другие основания для разводов [13, S. 30, 39]²⁴, и лишь в капитулярии Карла Великого 789 г. (*Admonitio generalis*) нашел отражение христианский принцип нерасторжимости брака [13, S. 56]²⁵. Вместе с тем и в IX в. акты церковных соборов не раз упоминают о разводах как довольно распространенном явлении [14, S. 84]. Повторные браки на этом этапе, как и прежде, допускались в первую очередь в случае смерти одного из супругов. Можно отметить даже смягчение норм, регулирующих такие браки: если по Салической правде требовалось согласие всех заинтересованных родственников (самой вдовы, ее умершего мужа и жениха), а также уплата родственникам покойного определенной суммы (*reirus* от вдовы и *ahasius* от жениха)²⁶, то в капитулярии 819 г. уже отсутствует требование о согласии родственников первого мужа и не упоминается об *ahasius* [13, S. 293]²⁷.

Несколько слов стоит сказать об отношении к разводам и повторным бракам в исповедальной практике по материалам покаянных книг. Характерно, что, как и в вопросе об инцесте, более ранние пенитенциалии не касаются этих сюжетов. В более же поздних документах основное внимание уделяется двум аспектам: признанию тяжким грехом отказа от законной жены и строгому наказанию за это, а также допустимости повторных браков после смерти одного из супругов при условии предварительного покаяния. Отметим, что в разных покаянных книгах эти вопросы решаются по-разному.

Так, Флёрский пенитенциалий называет взятую после развода с законной женой другую женщину блудницей и требует обязательного расторжения такого союза с последующим покаянием в течение трех лет (из них один год – на хлебе и воде) [7, S. 344]²⁸. Мерзебургский пенитенциалий идет дальше: за отказ от жены и новый брак предусматривается уже отлучение от церкви [7, S. 366]²⁹. Близкие к Мерзебургскому пенитенциалию позиции отразились в покаянных книгах Халитгара [7, S. 299–300] и Хуберта [7, S. 334]: в случае смерти одного из супругов не исключалась возможность второго, третьего, четвертого и даже пятого браков при некотором различии в размерах предварительного покаяния в каждом из пенитенциалиев³⁰. Таким образом, христианский принцип нерасторжимости брака находит в каролингских покаянных книгах все более явное отражение, однако внимание к вопросам о разводах и повторных браках появляется в пенитенциалиях лишь с начала IX в. Отсутствие же упоминаний о подобных казусах в предшествующий период может свидетельствовать о том, что особого противодействия подобной практике ранее не было, и только в I половине IX в. разводы и повторные браки, судя по покаянным книгам, начинают подвергаться регламентации в церковной исповедальной практике [8, с. 65].

Попробуем сравнить регулирование разводов и повторных браков с правовыми нормами и нормативной практикой в Древней Руси. В церковном Уставе князя Ярослава Владимировича статья 4 за оставление мужем жены устанавливала такие же штрафы, как за умыкание девушки (также с учетом социального положения потерпевшей): «Аще же пустит боярин жену великих бояр, за сором ей 300 гривен, а митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр гривна золота, а митрополиту гривна золота; а нарочитых людей 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простой чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнит» [6, с. 190]. Таким образом, наказание за отказ от жены включало штраф в пользу самой женщины, виру митрополиту и дополнительно суд (наказание) со стороны князя. Статья 9 устанавливала, что заключение второго брака мужчиной без расторжения первого не является действительным; муж должен жить с первой женой, а вторая передается под опеку Церкви [6, с. 190]³¹. Судя по следующей статье (ст. 10), также и за женщиной не признавалось право на одностороннее расторжение брака: без расторжения первого, объявлялся недействительным не только второй, но и первый брак. Жена в этом случае передавалась под опеку Церкви, на нового мужа налагалось цер-

ковное наказание, а оба мужа после епитимьи были, вероятно, свободны заключать новые браки [6, с. 190]³². В статье 18 Устава было предусмотрено наказание мужа за расторжение не только венчанного, но и невенчанного брака, с установлением во втором случае лишь вдвое меньшего штрафа (12 и 6 гривен). Таким образом, в условиях, когда церковная свадебная обрядность не имела еще широкого распространения, Церковь была вынуждена признавать, по сути, законность и традиционных форм брака [6, с. 190]³³.

Специфику отношения к разводам по Уставу князя Ярослава отражают статьи, касающиеся оснований для расторжения браков. Так, согласно статьям 11 и 12, тяжелая или неизлечимая болезнь как жены, так и мужа не являлась основанием для развода. Судя по этой норме, древнерусский законодатель признавал, что одной из целей семейного союза является поддержание супруга в тяжелых для него обстоятельствах [6, с. 190]³⁴. Уникальность светско-церковного регулирования разводов в Уставе демонстрирует и статья 53, где перечислены деяния жены, которые могли служить основанием для расторжения брака:

- 1) несообщение женой мужу о ставшем ей известном готовящемся посягательстве на власть и жизнь князя;
- 2) прелюбодеяние, за которым ее застал муж или которое подтверждено послухами;
- 3) покушение на убийство мужа или недонесение о готовящемся его убийстве;
- 4) общение жены с чужими людьми, в частности ночевка вне своего дома и без разрешения мужа;
- 5) посещение женой без сопровождения мужа днем или ночью игрищ и несоблюдение соответствующего запрета, сделанного мужем;
- 6) участие в обворовывании мужа, или самостоятельное похищение его имущества, или другое воровство, в частности из церкви [6, с. 192].

Показательно, что последнее основание для развода противоречит норме, изложенной в статье 36 того же Устава, где специально отмечается, что воровство жены не дает мужу права на развод [6, с. 191]³⁵. Как отмечают комментаторы текста Устава, данное противоречие могло свидетельствовать о том, что в пору создания пространной редакции памятника на Руси не было еще единых норм, регулирующих разводы [6, с. 207].

Обращение к памятнику церковной практики показывает, что в «Вопрошании Кирика» составитель и автор вопросов к епископу уделяет разводам (пп. 92–94) куда большее внимания, нежели бракам [11, с. 423–424, 457]. Пункт 92

содержит следующее рассуждение о разводах: *А о тех молодоженах, которые разошлись, и перед тобой, владыка, судились – какая им епитимья? Не давай, – сказал, – причастия тому, кто разводится, и совокупляется с другим, если только будет помирать – тогда да. А если будут большие трудности, по которым невозможно мужу удержать жену, или жене мужа? Если застанет, что ворует одежду или пропивает, или какое другое зло – епитимья на три года. Если жена с другим, то муж не виноват, разводясь с ней.*

Иными словами, позиция епископа при отсутствии явных оснований для развода характеризуется очевидным осуждением такого проступка с последующим церковным наказанием через отказ в причастии на всю оставшуюся жизнь. Другие же поводы для развода перекликаются с нормами статьи 53 церковного Устава князя Ярослава (воровство и другое неподобающее поведение влечет для мужа возможность развода с налагаемой на три года епитимьей; а также отсутствие вины за развод со стороны мужа в случае измены жены).

Вместе с тем в п. 93 оговаривается возможность развода для жены: *Если же муж не входит к жене без взаимного на то согласия, то жена не виновата, уходя от него, т.е. епископ допускает возможность такого развода в случае невыполнения мужем своих супружеских обязанностей.*

Примечательно, что в п. 94 представлены развернутый ответ и комментарии епископа Нифонта по поводу разводов со ссылкой на канонические нормы: *Хорошо здесь выписать из канона святого Василия Великого, канон 9-й «О том, что ни по какой причине нехорошо жене уходить от своего мужа, оставляя его прелюбодействовать. Оставленный же или разведенный – живущая с таким не осуждается. Если же муж, отступившись от жены, пойдет к другой, то он прелюбодей. И поскольку заставляет прелюбодействовать, то и живущая с ним – прелюбодейка, потому что себе присвоила чужого мужа». Того же Василия правило 48: «Разведенной с мужем, по моему пониманию, подобает пребывать по слову Господню: если кто оставит жену, кроме вины прелюбодеяния, заставляет ее творить прелюбодеяние. Чтобы не называли ее прелюбодейкой, запрети ей выходить за другого – как один может быть повинен в прелюбодеянии, а жена остаться не грешной, коли названа прелюбодейкой Господом за сожителство с другим?» Правило 46: «Если за бросившего жену по незнанию другая женщина выйдет замуж, а после женщина будет брошена, и муж снова вернет-*

ся к прежней жене, совершают они блуд, и поэтому [их] брак будет запрещен. Лучше пусть остается как есть».

Здесь, как и в церковном Уставе, можно усмотреть внутренние противоречия (если сравнить ссылки на «Правила Василия Великого» с ответами в пп. 92–93), что говорит об отсутствии однозначного подхода в отношении разводов на данном этапе развития Древней Руси.

Таким образом, сопоставляя общее и особенное в регулировании разводов и повторных браков по материалам правовых франкских и древнерусских памятников, можно отметить следующее:

- сближает подходы в правовом регулировании на данном этапе развития франкского государства и Древней Руси сохранение значимой роли традиций и светского права в отношении разводов на фоне постепенного утверждения модели христианского брака во всех его проявлениях (включая отношение к разводам и повторным бракам);

- специфика Древней Руси заключается как в более заметной роли светских правовых норм (особенно в определении оснований для развода), так и в более гибкой позиции церкви в отношении к разводам (учитывающей реалии и роль традиций), нацеленной на постепенное утверждение христианской модели брака.

Правовые аспекты внутрисемейных отношений (супруги, родители–дети)

Во франкском государстве

В светском законодательстве (Салическая правда, капитулярии) основные затрагиваемые аспекты внутрисемейных отношений касались вопросов наследования имущества и неравных браков (свободных и несвободных людей), а также насилия в отношении детей.

Согласно статьям 5 и 6 в главе XV, браки свободных людей с чужими рабом/рабыней карались утратой свободы. Эта норма получает развитие в последующих капитуляриях: в Капитулярии I к Салической правде добавляется наказание за брак свободной женщины со своим рабом: она объявлялась вне закона, а все ее имущество переходило в казну; а Капитулярий VII дополняет норму главы XV тем, что с утратой свободы виновные лишаются и прав на имущество³⁶.

Вопросы наследования прежде всего касаются прав жены-матери или женщины-сестры на имущество умершего мужа – так, согласно нормам главы LIX «Об аллодах»:

- если кто умрет и не оставит сыновей и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство;

– если не окажется матери и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство;

– в том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

В Капитуляриях к Салической правде принципы наследования по женской линии получают развитие.

В Капитулярии I в статье 8 говорится о наследстве мужей, которые вторично вступают в брак. В таких случаях предусматривается следующее.

1. Если кто потеряет жену и захочет взять вторую, нельзя ему передавать этой второй приданое, которое он дал первой жене. Если при этом останутся несовершеннолетние дети, то надо в целости хранить имущество первой жены и приданое до их совершеннолетия, и ничего из этого нельзя ни продавать, ни дарить.

2. А если у него не будет сыновей от первой жены, то две части приданого получают ближайшие родственники умершей женщины.

В Капитулярии II, в статье 4, было установлено, что если кто возьмет женщину замуж и они не будут иметь детей и если муж умрет, жена же останется в живых, тогда женщина та пусть берет половину приданого, а другую половину пусть себе получают родственники умершего. А если при таких же условиях умрет женщина, то подобным же образом муж пусть берет себе половину, а (другую) половину пусть получают родственники этой женщины³⁷.

Помимо вопросов наследования к отношениям между родителями и детьми в нормативных документах относятся казусы, связанные с детоубийством. Характерно, что во франкском государстве такие нарушения находят отражение прежде всего в памятниках церковной исповедальной практики – покаянных книгах. В них чаще всего упоминаются прегрешения, связанные с детоубийством (преимущественно с удушением в постели). Такой грех отмечается практически в каждой из каролингских покаянных книг, но при этом прописываются разные обстоятельства, в которых произошло детоубийство: выделяются неумышленное удушение (за что наказание смягчалось) и совершенное в состоянии опьянения или отягощенное небрежением (наказание за это увеличивалось) [7, S. 335, 338, 330, 342]³⁸. Характерно, что в пенитенциалиях говорится об удушении некрещенных детей (т.е. либо грудных, либо совсем маленьких) [7, S. 338, 330]³⁹. В Мерзебургском пенитенциалии предусматривается наказание и за предумышленное убийство ребенка матерью (за что следовало наказание как за любое чело-векоубийство), однако следующая статья оговаривает, что если такое убийство совершено в

состоянии бедности, то церковное наказание сокращается вдвое [7, S. 368]⁴⁰. Таким образом, судя по покаянным книгам, случаи детоубийства или недостаточной заботы о младенцах, приводящей их к смерти, не представлялись в VIII–IX вв. чем-то исключительным для франкского общества эпохи Каролингов.

Кроме того, в нескольких покаянных книгах повторяется казус, когда мужчина оскорбляет отца или мать либо поднимает на них руку [7, S. 337]⁴¹; а в Сангалленском пенитенциалии церковному наказанию подлежит прелюбодеяние со своей матерью [7, S. 347]⁴². Можно также отметить упоминание о детях, родившихся от греховной связи с чужой женой, в пенитенциалии Хуберта [7, S. 338]⁴³.

В Древней Руси

Как и Салическая правда, Русская правда в пространной редакции затрагивает вопросы наследования и неравных браков. Реакция государства на неравные браки в Древней Руси не носила такого жесткого характера, как во франкском государстве: с одной стороны, брак свободного с рабыней превращал его в полного холопа (древнерусский аналог рабского статуса), согласно статье 110 Пространной редакции; а с другой – утрата свободы происходила, если брак заключался без договора (при наличии договора статус свободного определялся его условиями) [3, с. 72]⁴⁴. О более мягких условиях регулирования неравных браков говорит и ранее упомянутая статья 98, дающая после смерти свободного по статусу мужа его жене-рабыне и детям свободу [3, с. 71].

В вопросах регулирования наследственных прав жен, сестер и детей можно обнаружить и очевидное сходство древнерусских норм с франкскими, и определенные различия:

– за вдовой также закрепляются права на выделенную ей часть наследства (ст. 93, 101);

– даются и гарантии на наследство детям в случае повторных браков их матерей (ст. 99, 104, 105);

– вместе с тем сестры не имеют прав на отцовское наследство, кроме обязательства братьев материально обеспечить им вступление в брак (ст. 95).

Следует отметить более детализированное регулирование наследственных прав вдов и детей в Русской правде: права при наличии или отсутствии завещания (ст. 92), права детей от разных браков (ст. 94, 101, 104, 105) и на период их малолетства (ст. 99), показательная увязка прав на материнскую долю наследства тех детей (и сыновей, и дочерей), которые больше заботились о своей матери (ст. 103, 106) [3, с. 70–71].

Куда более заметное место разнообразные аспекты внутрисемейных отношений (помимо наследственных) занимают в церковном Уставе князя Ярослава. Показательно при этом, что в роли нарушителей норм чаще всего выступают женщины, и лишь в одном случае упоминается проступок мужчины: речь идет об измене мужа (ст. 8), что карается судом князя, а не митрополита [6, с. 190]⁴⁵. Перечень же проступков и прегрешений женщин куда более широк: здесь и кража, совершенная женой у мужа (ст. 36 и 37), и случаи битья мужа женой (ст. 40), и когда жена занимается колдовством и другими языческими действиями (ст. 38). Как оговаривается в статьях Устава, ни кража у мужа, ни совершенные языческих обрядов не являются основанием для развода. Комментаторы же церковного устава отмечают, что в случае кражи законодатель подчеркивает вводимой нормой, что муж как глава семьи осуществлял власть в ней, и только ему принадлежали право и обязанность наказания жены за ее деяние, а участие церковной власти в наказании ограничивается 3 гривнами штрафа в пользу митрополита (последнее могло быть связано с предполагаемым обличением жены, т.е. преданием ее поступка гласности). Если же жена обличается в языческих прегрешениях, то на мужа возлагалась обязанность наказывать жену, изблотив (доличив) ее в этих поступках, а так как в этом случае не предполагается штраф в пользу митрополита, вероятно, разбирательство этого внутреннего семейного дела не обязательно должно было становиться достоянием общественности и власти. Наказание же по статье 40 («если жена бьет мужа») штрафом в пользу митрополита в размере 3 гривен можно трактовать как норму, которая «должна была воспитывать не только жену в повиновении, но и мужа в исполнении его долга главы семьи: вероятно, платил штраф все же он, как глава семьи» [6, с. 191, 203]⁴⁶.

Статья 43 церковного Устава («Если сын бьет отца или мать...») перекликается с постоянно воспроизводимыми во франкских покаянных книгах случаями, когда мужчина оскорбляет отца или мать или поднимает на них руку. В этой статье законодатель, защищая неприкосновенность родителей от посягательства сыновей, не устанавливает церковного наказания, но оставляет его на усмотрение светской власти (волостель здесь – правитель) и предписывает передать виновного отрока (юношу) под опеку Церкви [6, с. 191]⁴⁷.

Обращаясь к такому памятнику исповедальной практики, как «Вопрошание Кирика», можно отметить сходство с франкскими покаянными книгами в упоминании казусов с гибелью

детей. В приложении к основному тексту «Саввино» (п. 3) отмечено: «Если же, – сказал, – умрет дитя некрещеным по небрежению родителей или попа, то за душегубство епитимья 3 года. Если же по незнанию – то нет епитимьи»; а в приложении «Ильино» (п. 4) добавляется: «И о таком я спрашивал: а если кладут детей с собой спать и задавят их – это убийство или нет? Он сказал: если трезвые, то легче, а если спьяну – то убийство» [11, с. 425, 427]. Таким образом, налицо общие черты как в описании казусов (удушение в родительской постели, наличие или отсутствие намерения, в состоянии опьянения или нет, убийство некрещеных детей), так и в наказаниях (в размерах епитимьи).

Вместе с тем в «Вопрошании» выделяется весьма интересный аспект межсупружеских отношений – о помощи жены в исполнении мужем епитимьи. В ответе епископа Нифонта (ст. 96) говорится: «О том, что в заповеди Иоанна написано: можно ли жене помочь своему мужу нести епитимью, и мужу – жене? Сказал, что весьма хорошо, если есть желание, помочь и друг другу, и брат брату, а также и молодоженам» [11, с. 424]. Комментаторы отмечают важный нюанс в позиции церкви в лице новгородского епископа по отношению к супружеству: *Поставленный вопрос затрагивает крепость уз супругов, т.е. чем больше согласия в семье между супругами, тем более они отзывчивы на помощь друг другу, тем более, едины в делах духовных. Церковь идет навстречу такому взаимопониманию. Согласно рекомендации Нифонта супруги несут общую духовную и моральную ответственность за проступки друг друга. Церковь понимает нравственное бедствие одного из супругов, впадшего в грех, разрешает второму супругу оказать нравственную помощь оступившемуся, тем более что сама Церковь освятила их брак. Само понятие супруги означало пару связанных церковным браком людей, неразрывно и нераздельно изо дня в день согласованно ведущих совместную жизнь, а в данном конкретном случае еще и общую тяжесть наказания. Дорогого стоит в браке обрести супруга, способного разделить не только радости, но горести во всех жизненных ситуациях. Пастыри поощряли взаимосвязь супругов, оказывавших моральную помощь друг другу.* Упоминается и ирландский (в ирландских пенитенциалиях, ставших основой для франкских покаянных книг) обычай разделения епитимьи между родственниками: *Церковь позволяла не только в рамках семьи разделять груз несения епитимьи, но также нравственно воспитывала, приобщая к общему несению епитимьи с ближними друзьями. Такой подход укреп-*

лял не только взаимные нравственные отношения долга и ответственности между близкими людьми, но также укреплял моральный авторитет Церкви, а вместе с тем человеческих связей и нравственного климата в семье и социуме [11, с. 457].

Выводы

Подводя итоги проведенного сравнения, можно говорить об общих подходах церкви в формировании христианской этики семейных отношений, что выражается в следующем:

- истоки в регулировании брачно-семейных отношений для обоих обществ были связаны с традициями и обычным правом (при сходстве германских и славянских брачно-семейных обычаев), что нашло отражение в знаменитых судебных книгах – Салической и Русской правдах;

- общим стало «вторжение» в эту нормативную сферу христианской церкви с ее подходом и осмыслением места семьи и семейных отношений в христианской этике и с определением базовых церковных норм, призванных формировать в сознании людей новые семейные ценности.

Оба общества в сходных условиях проходят этап становления светского и церковного нормативного регулирования семейных отношений с определением границ юрисдикции в регулировании семейных отношений:

- светские нормы определяют вопросы наследования и разрешение коллизий, связанных с браками свободных и несвободных, церковные – весь остальной спектр внутрисемейных отношений;

- важным дополнением такого разграничения стал приоритет светского права в отношении проступков мужчин, а церковного – в отношении женщин;

- взаимодействие государства и церкви на этом этапе проходит при очевидном усилении позиции церкви в таком регулировании.

Налицо также учет реалий брачно-семейных отношений во франкском и древнерусском обществах при использовании такого способа воздействия на сознание и поведение мирян, как исповедь и покаяние (с учетом их нормативного регулирования в покаянной церковной литературе): отсутствие жесткого и универсального подхода в определении брачно-семейных церковных норм (особенно на начальном этапе формирования канонического права) и длительный процесс адаптации существовавших традиций к формирующимся нормам христианской этики.

При этом очевидны и различия в подходах к регулированию семейных отношений:

- автономия светских правовых норм и параллелизм светского и церковного регулирования у франков и более заметная интеграция светского и церковного регулирования в Древней Руси путем введения церковных княжеских уставов (введение норм регулирования церковным судом от имени княжеской власти) на начальном этапе, при доминировании церковных канонических норм с включением памятников светского права в сборники канонического права (Кормчие книги) на более позднем этапе;

- различия в христианских канонических традициях: западной, римской (в перспективе – католической) для франкского государства и восточной, византийской (в будущем – православной) для Древней Руси; при этом роль византийских традиций была куда более опосредованной (исначальный отказ от системы жестоких наказаний в церковных княжеских уставах; восприятие византийских норм через южнославянское/моравское их преломление).

Отмечается проявление этих различий в принципах и подходах к регулированию семейных отношений в исповедальной практике:

- в западнохристианской церкви – как в общем, так и на локальном уровне – большая жесткость и универсализм, адаптация путем усиления наказаний за отклонение от утверждающихся канонических семейных норм;

- в восточнохристианской церкви – инкорпорирование предшествующих традиций и практики, приоритет целей внедрения христианской этики (идеала моногамной супружеской семьи и укрепления внутрисемейных отношений), допускающий временные послабления в поддержании церковных норм и меньшую жесткость в наказаниях за отступление от этих норм.

Опыт проведенного сопоставления правового регулирования брачно-семейных отношений позволяет отметить как возможности такого анализа, так и необходимость соблюдения базовых принципов подобного сравнительного исследования (стадиальность, региональные исторические особенности и др.). К перспективам применения сравнительного анализа семейно-родственных отношений, исходя из полученных результатов, выявленных возможностей и проблем в применении сравнительного метода на франкских и древнерусских материалах, можно отнести:

- расширение круга привлекаемых для анализа исторических источников (как правовых, так и иных памятников)⁴⁸;

- выход на следующий стадиально-хронологический уровень в развитии франкского/французского и древнерусского обществ и государств;

– обращение к другим региональным образцам формирования новых семейных отношений и их нормативного регулирования.

Примечания

1. Примером такого использования сравнительного анализа в данном предметном поле (но на более поздних материалах) можно назвать работу О.Э. Душина [1].

2. Текст Устава взят по Оленинской редакции, наиболее близкой к его исходному варианту (архетипу) и относимой исследователями к концу XII – первой половине XIII в. Для нашего исследования наибольший интерес представляет статья 9 Устава, где определяются основные преступления/нарушения/прегрешения, которые были отнесены к церковной юрисдикции, а среди них доминирующее место занимали вопросы регулирования брачно-семейных отношений [5, с. 137–140].

3. Первоначальный архетип «Устава князя Ярослава о церковных судах» сложился в XI – начале XII в., а создание приводимой здесь пространной редакции можно отнести ко времени не позднее первой четверти XIII в. При анализе используется нумерация статей, представленная исследователями и издателями текста – см. [6, с. 189–208].

4. Об этих памятниках как исторических источниках см. [8, с. 61–63; 9; 10, с. 9–12].

5. См. [11, с. 8]. При анализе этого источника использована нумерация вопросов/ответов (для удобства их можно назвать пунктами – п.), представленная издателями текста «Вопрошания» [11, с. 413–437].

6. *Lex Salica*, XV, 1: «*Si quis... uxorem alienam tulerit a vivo varito, VIIIIM dinarios... culpabilis indicetur*»; XIII, 10: «*Si quis sponsam alienam tulerit...*» etc. Здесь и далее лагинский текст Салической правды цитируется по изданию [12].

7. *Lex Salica*, XIII, 9, add.2: «*Si quis sororis aut fratris aut certe ulterius gradus consorbinæ aut certe fratris uxorem aut avunculi sceleratis nuptiis sibi iunxerit, hanc poenam subiaceant ut de tale consortio separentur*» [12].

8. *Capitulare N 15. 757*, с. 1: «*Si in quarta progenia reperti fuerint coniuncti, non separemus*». Здесь и далее тексты капитуляриев цитируются по изданию [13].

9. Для этого предусматривалось предварительное расследование с участием священника в целях выявления возможного родства будущих супругов – см.: *Capitulare N 33. 802*, с. 35 [13, S. 97].

10. *Poen. Burgundiense*, с. 37 [7].

11. *Poen. Floriacense*, с. 9 [7].

12. *Poen. Hubertense*, с. 51: «*Si quis filium vel sororem ex sacro fonte vel chrismate in conjugio sociaverit dividantur et agant poenitentiam annis V*» [7].

13. Так, в Мерзбургском пенитенциалии брак с вдовой брата карается семью годами поста, и дочерью жены – двумя годами (*Poen. Merseburgense*, с. 40, 43); в пенитенциалии Халитгара предусматривалось расторжение браков с мачехой, вдовой дяди, сестрой жены, после чего кающийся должен был провести 14 недель поста (*Poen. Romanum*, с. 84) – см. [7, S. 299, 362].

14. См. ст. 2 Устава [5].

15. Устав, ст. 29: «Аще девка не всхошет замуж, то отец и мати силою дадят. А что девка учинит над собою, то отец и мати митрополиту в вине» [6].

16. Русская правда. Пространная редакция, ст. 95: «Аже будеть сестра в дому, то той задница не имати, но отдаять ю за муж братия, како си могуть». Здесь и далее текст Русской правды цитируется по изданию [3].

17. Устав, ст. 16: «Аще ближний род поимется, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а опитемию примут» [6].

18. Устав, ст. 17: «Аще муж распустится с женою по своей воли, а будеть ли венчальная, и дадять митрополиту 12 гривен, будеть ли невенчальная, митрополиту 6 гривен» [6].

19. Устав, ст. 27: «Аще два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку поняти в дом церковный» [6].

20. Устав, ст. 28: «Аще отец с дочерию впадет в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию примут по закону»; ст. 24: «Аще кто с падчерицею блудит, митрополиту 12 гривен» [6].

21. Устав, ст. 13: «Аще кум с кумою блуд створит, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от Бога» [6].

22. Вопрошание, п. 69: «Сказал ему: а вот владыка, некоторые заводят явных наложниц, и рожают детей, и живут, как со своей женой, а другие тайно со многими рабынями – что из этого лучше? Не добро, – сказал он, – ни то, ни другое» [11].

23. Русская правда. Пространная редакция, ст. 98: «А се о заднице. Аже будуть робьи дети у мужа, то задница им не имати, но свобода им с матерью» [3].

24. *Pipini regis capitulare. 744*, с. 9: «...*quia maritus muliere sua non debet dimittere, except causa fornicationis deprehensa*»; *Decretum Vermeriense. 757 (768?)*, с. 5: «*Si qua mulier mortem viri sui cum aliis hominibus consiliavit, et ipse vir ipsius hominem se defendende occiderit et hoc probare potest, ille vir potest ipsam uxorem dimittere et, si voluerit, aliam accipiat*» [13].

25. *Admonitio generalis. 789*, с. 43 [13].

26. См. *Lex Salica*, XLIV, 1 [12].

27. См.: *Capitulare N 142. 819*, с. 8 [12].

28. *Poen. Floriacense*, с. 45: «*Si quis dimiserit uxorem et aliam duxerit, et illam, quam ducit postea non est ejus uxor sed meretrix..., separentur et postea jejunet annos III, unum ex his in pane et aqua*» [7].

29. *Poen. Merseburgense*, с. 124: «*Si quis legitimam uxorem dimiserit et acciperit alienam, illi talis cum Christianis non manducent... excommunicati a christiani*» [7].

30. *Poen. Romanum (Пенитенциалий Халитгара)*, с. 92, 94; *Poen. Hubertense*, с. 13: «*Si quis clericus uxorem propriam reliquerit..., sciat se adulterium perpetrasse, honore suo privetur et diebus vitae suae poeniteat*». Кроме того, в более поздних покаянных книгах предусматривались и другие основания для разводов. Так, в Мерзбургском пенитенциалии допускался повторный брак в случае похищения жены врагом – с. 94: «*Si quis cuius uxorem hostis abstulerit, et non potest eam redimere, liceat eum aliam accipere*» [7, S. 365].

31. Устав, ст. 9: «Аще муж оженится иною женою, а с старою не распустится, митрополиту вина, а молодую поняти в дом церковный[й], а с старою жити» [6].

32. Устав, ст. 10: «Аще поидеть жена от своего мужа за иный муж или иметь блясти от мужа, ту же ну поняти в дом церковный, а новоже на в продажи 13 митрополиту» [6].

33. Устав, ст. 18: «Аще муж распустится с женою по своей воли, а будет ли венчальная, и дадут митрополиту 12 гривен, будет ли невенчальная, митрополиту 6 гривен» [6].

34. Устав, ст. 11 и 12: «Аще будет жене лихый недуг, или слепа, или долгая болезнь, про то ея не пустити»; «Тако же и жене нелзе пустити мужа» [6].

35. Устав, ст. 36: «Аще жена мужа крадет и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнит ю, и про то не разлучити» [6].

36. См.: Lex Salica, XV, 5–6; Capitulare VII [12].

37. См.: Lex Salica, LIX, 1–3; Capitulare I, II [12].

38. Poen. Hubertense, c. 19: «Si quis cum uxore sua infantem opprresserit, III annis poeniteat. Si vero per ebrietatem aut neglegentiam opprresserit, V annis...»; c. 50: «Si quis infantem gentilem opprresserit, III annos poeniteat, si vero nolens, II»; Poen. Parisiense, c. 47; Poen. Floriacense, c. 18 [7].

39. Poen. Hubertense, c. 50; Poen. Parisiense, c. 47: «Si quis parvulus sine baptismo in negligentia mortuus fuerit, III ann. Poen.» [7].

40. Poen. Merseburgense, c. 162, 163: «Si quae matrem filium suum occiderit, XV annos poeniteat»; «Mulier pauperina VII annos poeniteat» [7].

41. Poen. Hubertense, c. 39: «Si quis inhonoraverit patrem aut matrem, III annos poeniteat. Quodsi manum levaverit aut ferita fecerit, VII annis exsul poenitentiam agat. Quodsi per veniam parentum redierit aut ei indulserint, suscipiatur in communionem ibidem ederit» [7].

42. Poen. Sangallense, c. 15: «Si quis cum matre sua fornicaverit VII annos» [7].

43. Poen. Hubertense, c. 50: «Si quis infantem gentilem opprresserit, III annos poeniteat, si vero nolens, II» [7].

44. Русская правда. Пространная редакция, ст. 110: «...а второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить...» [3].

45. Устав, ст. 8: «Аще муж от жены блядет, митрополиту нет кун, князь казнит» [6].

46. Устав, ст. 36: «Аще жена мужа крадет и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнит ю, и про то не разлучити»; ст. 38 «Аще жена будет чародейца, наузница, или волхва, или зелейница, муж, долчив, казнит ю, а не лишиться»; ст. 40: «Аще жена бьет мужа, митрополиту 3 гривны». См. также комментарии к указанным статьям [6].

47. Устав, ст. 43: «Аще ли сын биет отца или мать, да казнит его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный такой отрок» [6].

48. К числу таких источников можно отнести, например, «Закон Судный людем», «Ответы Георгия, митрополита Киевского», а также уникальный пример перевода Мерзебургского пенитенциала IX века на церковнославянский язык и появление его в древнерусских списках XI–XII вв. под названием «Заповеди святых отец» [16].

Список литературы

1. Душин О.Э. Регламентация семейных отношений в средневековых западноевропейских и древнерусских покаянных книгах // Verbum. Альманах Центра изучения средневековой культуры. Вып. 18. Исповедь и покаяние: у истоков формирования самосознания европейского индивида / Под ред. О.Э. Душина, К.А. Шмораги. Псков: Изд-во Псковского государственного ун-та, 2016. С. 99–115.

2. Салическая правда / Пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1950. 168 с.

3. Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64–79.

4. Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.

5. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 137–140.

6. Устав князя Ярослава о церковных судах (пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 189–208.

7. Schmitz H.J. Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren nach handschriftlichen Quellen dargestellt. Düsseldorf: L. Schwann, 1898. XII+742 S.

8. Бессмертный Ю.Л. Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени // Культура и искусство западноевропейского средневековья / Под ред. Е.И. Даниловой. М.: Советский художник, 1981. С. 53–77.

9. Гуревич А.Я. Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг» // Средние века. Вып. 37. М.–Л.: Наука, 1973. С. 28–54.

10. Блонин В.А. Греховные аспекты родственных связей по каролингским покаянным книгам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 9–16.

11. Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Сост. В.В. Милков, Р.А. Симонов. М.: Круг, 2011. С. 413–437.

12. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T. IV. P. 1–2 / Ed. K.A. Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1962–1964.

13. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883. XII+462 S.

14. Lepointe G. La famille dans l'ancien droit. 2e éd. Paris: Domat–Montchrestien, 1947. 398 p.

15. Пихоя Р.Г. Очерки по истории покаянной дисциплины домонгольской Руси // Пихоя Р.Г. Записки археографа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 32–129.

16. Заповеди святых отец: латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе: исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 206 с.

**FAMILY AND KINSHIP RELATIONS AND THEIR REGULATION:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF FRANKISH AND ANCIENT RUSSIAN
LEGAL MONUMENTS**

V.A. Blonin

The article presents the results of a comparative analysis concerning the regulation of family relations on the normative monuments of the Frankish state and Ancient Rus. The main principles and approaches of such analysis are defined. Based on the comparison of the monuments of secular and Church law («Lex Salica» and «Russian Truth», Carolingian capitularies and Church charters of ancient Russian princes, regulations confessional practices, etc.) identified common features and specificity in approaches of Church and state to regulate marriage, divorce, intrafamily relations on the example of two States and societies of the early middle ages. The role of traditions of such regulation based on customary law is shown, and the strengthening of the church's position in influencing family relations in order to form a new Christian family ethics is noted (with certain differences in the canonical approaches of the Western and Eastern Christian churches). The obtained experience of comparative analysis allows us to determine the prospects for its application by expanding the chronological and regional framework, as well as attracting new historical sources.

Keywords: family and kinship relations, legal monuments, comparative analysis, Frankish state, Ancient Rus.

References

1. Dushin O.E. Regulation of family relations in medieval Western European and Old Russian penitential books // *Verbum. Almanac of the Center for the Study of Medieval Culture*. Issue 18. Confession and repentance: at the origins of the formation of the self-consciousness of the European individual / Edited by O.E. Dushin, K.A. Shmoragi. Pskov: Pskov State University Press, 2016. P. 99–115.
2. *Salicheskaya Pravda (Lex Salica)* / Translated by N.P. Gratsiansky / Edited by V.F. Semenov. M., 1950 168 p.
3. *Russian Truth // Russian legislation of the X–XX centuries: 9 volumes, Vol. I. M.: Legal literature, 1984. P. 64–79.*
4. Shchapov Ya.N. *The State and the Church of Ancient Russia XI–XIII centuries*. M.: Science, 1989. 232 p.
5. *The Statute of Prince Vladimir Svyatoslavich of tithes, the courts and the people of the Church // Russian law X–XX centuries: 9 vol. Vol. I. M.: Legal literature, 1984. P. 137–140.*
6. *The Statute of Prince Yaroslav of the ecclesiastical courts (lengthy version) // Russian law X–XX centuries: 9 vol. Vol. I. M.: Legal literature, 1984. P. 189–208.*
7. Schmitz H.J. *Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren nach handschriftlichen Quellen dargestellt*. Düsseldorf: L. Schwann, 1898. XII+742 S.
8. Bessmertny Yu.L. On the study of mass socio-cultural representations of the Carolingian time // *Culture and art of the Western European Middle Ages / Ed. by E.I. Danilova. M.: Soviet Artist, 1981. P. 53–77.*
9. Gurevich A.Ya. Folk culture of the early Middle Ages in the mirror of «Penitential books» // *The Middle Ages*. Issue 37. Moscow-Leningrad: Science, 1973. P. 28–54.
10. Blonin V.A. Sinful aspects of kinship relations according to the Carolingian Penitential books // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2020. № 3. P. 9–16.
11. *The questions of Kirik to Archbishop Nifont // Monuments of Old Russian thought: studies and texts. Issue VII. Kirik Novgorodets: scientist and thinker / Comp. V.V. Milkov, R. A. Simonov. M.: Krug, 2011. P. 413–437.*
12. *Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T. IV. P. 1–2 / Ed. K.A. Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1962–1964.*
13. *Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883. XII+462 S.*
14. Lepointe G. *La famille dans l'ancien droit*. 2e éd. Paris: Domat–Montchrestien, 1947. 398 p.
15. Pihoya R.G. Essays on the history of penitential discipline of pre-Mongolian Russia // Pihoya R.G. *Notes of an archeographer*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. P. 32–129.
16. *The Commandments of the Saints father: the Latin penitentiary of the VIII century in the Church Slavonic translation: research and text*. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities Press, 2008. 206 p.